

Володя ЗЛОБИН

ПОТАЕННАЯ ПРОЗА — ПРОЗА НЕЯВЛЕННЫХ ГРАНИЦ

«Потаенное» следует отличать от внешне схожих с ним «тайного», «спрятанного», «скрытого». Спрятанное сокровище означает лишь то, что где-то закопан клад, но потаенное сокровище — нечто иное, нежели зарытые кем-то материальные ценности. Потаенное таится по собственной воле, как может таиться человек, опасность, мысль и зверь.

В то же время у потаенного нет точной противоположности, ему нечего противопоставить. Антоним «явный» лишь подтверждает очевидность чего-то. В нем нет слоистости, это сброс оболочек, ядрышко, тогда как потаенное — стук в скорлупе. «Мы не будем противопоставлять явное тайному, мы отыщем более тайное, чем тайна: непостижимое», — писал Бодрийяр. То есть возможен мир как потаенный, так и непотаенный, но не какое-то антонимичное состояние в духе утопии и антиутопии. Тем самым потаенное хотя бы частично выходит из бинарных оппозиций, вечной игры или-или, оставаясь чем-то, чему нет ни эквивалента, ни противовеса.

Может, поэтому о потаенной литературе так мало говорили. Только в 1861 году в Лондоне вышел сборник «Русская потаенная литература XIX столетия», где Николай Огарев назвал потаенной литературой политическую словесность, утаиваемую от властей: *«Наступило время пополнить литературу процензурованную литературой **потаенной**, представить современникам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себе дорогу, как гамлетовский подземный крот, и являлась нежданно то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу»*.

В сборник вошли тексты демократического направления. Чуть позже, в 1864 году, Александр Герцен отметил: *«...потаенная же литература раскольников оставалась скрытой в лесах, в недрах общин, достаточно отдаленных, чтоб избежать двойного надзора — православной полиции и полицейской церкви»*.

Герцен назвал это «иной литературой», которая «не имела ничего общего с литературой просвещенной». Это, конечно, не так. То же основанное в 1694 году Выговское старообрядческое общежитие до своего разорения в середине XIX века обладало обширной библиотекой нововременной литературы, а отец «Поморских ответов» старообрядец Андрей Денисов учился европейской мысли в прозападном просвещенческом заведении. Для революционных демократов потаенное лишь заменило древнее понятие «отреченной книги», то есть литературы, таящейся от некоего надзора. У Огарева это литература исключительно

политического, а у копнувшего глубже Герцена — мшистого религиозного свойства. Герцен первым отметил, что потаенная литература как-то связана с тайнами, даже темными делами вроде сектантства и дремучих народных дум.

Потаенная литература не жанр, а необходимость сохранения мысли от наказания, тогда как потаенная проза — свойство самого текста, безотносительно того, таится его носитель, угрожают ему или нет. Иначе можно было бы называть потаенными тексты, которые укрываются от постороннего взора в физическом смысле — в личных библиотеках, пыльных хранилищах древностей, литературных архивах. Условно это линия Николая Огарева, приведшая к тому, что потаенной литературой беспочвенно обобщили всю запрещенную, изгнанную, замолчанную литературу от царского времени до позднего советского самиздата. Линия Герцена развития не получила, но в ее определении потаенной литературой можно счесть протопопа Аввакума, чей корпус текстов в пору его четырехсотлетия до сих пор полностью не введен в оборот; проповедь бегущего инок Евфимия; «Виноград российский» Семена Денисова; тайные цветники Сергея Шелонина. К ней условно относится все русское религиозное разномыслие, частенько величавшее себя «потаенными христианами», тогда как Надзор называл их не иначе как «потаенным раскольниковством».

Стремление народничества XIX века безуспешно революционизировать сектантство вполне объяснимо. Вместе с тем значение потаенной литературы глубже политико-религиозной оппозиции и преследования за нее. Иначе к потаенным можно отнести марксистские памфлеты или эротические тексты того времени. Русскую эротику уже пытались величать потаенной¹, а Вальтер Беньямин смог придать марксизму некую потаенную видимость. Однако потаенное несовместимо с чеканной конкретикой, иначе оно было бы очевидным. Недостаточно определять потаенное как таящееся от Надзора, или как смысл, противоположный общепринятому, или как «темный разврат»², ведь тогда оно остается еще одним прилагательным.

Уместнее разделять потаенную литературу и потаенную прозу, то есть разнообразие скрытой литературы и жанровые свойства самого текста. В свою очередь, потаенный текст может быть как диковинным, то есть описывающим таящиеся по своей воле вещи — какой-то ужас, сектантство, бой фиалки с машиной, так и предельно будничным, говорящим о нераспознанных значениях предметов. О потаенном можно писать как о хтоническом перелопачивании земли, а можно как о глухой печали. Ведь когда лопата с силой вонзается в почву, она может случайно рассечь червя.

Трудно выявить свойства потаенного текста. Не получается оттолкнуться от застывшего канона и, низвергая его, провозгласить что-то новое. Авангарду было физически необходимо иметь за спиной Золотой век, стихотворную порядочность которого требовалось опрокинуть. Без Пушкина было бы некого сбрасывать с «парохода истории». Отрицанию необходимо отрицаемое. То, что пытается свергнуть канон, в случае успеха само им становится.

¹ Еще в долгой серии издательства «Ладомир» была предпринята попытка подвести теорию под маргинальную традицию русской литературы. Но даже при таком взгляде потаенное осталось либо скрытой областью общенных текстов, либо характеристикой гениального автора. «Для современного сознания потаенный автор — это неизбежно автор гениальный, решающим образом влияющий на поколения последующих писателей, о чем их неосведомленный поклонник может даже не догадываться». См.: Русская потаенная литература. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. — М.: Ладомир, 1992. — Т. 1. — С. 15. Для этой серии потаенное значит не более чем фривольное. Оно не подвергается какой-либо разработке, оставаясь простым обозначением.

² Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. Собр. соч. в 15 томах. — Л.: Наука, 1989. — Т. 4. — С. 244.

Неожиданное свойство потаенного текста в том, что он стоит в стороне от этих баталий. Он часть культуры, но это под-культура, мир корней и переплетений, хвои, гумуса и чернозема. Почвенно ли потаенное? Нет, оно подпочвенно. В любой грамматической конструкции потаенное всегда подлежащее. Это под-слой, подложка, то, что на шаг ниже найденных троп. Нечто знакомое каждому грибнику. Когда, ступая по лесу, чувствуешь, как под ногами прогибается что-то прелое и наслоенное. Будто внизу сокрыто многообразие подлинной жизни, покой которой ты нечаянно потревожил. Кому как, а потаенному под землей хорошо.

Потаенное эндогенно. Без него нельзя помыслить как культуру верха и низа, то есть пространство иерархических ценностных отношений, так и современную неориентированную культуру, равнозначный хаос множественности и неистинности. При этом ни одна культура не в силах полностью описать мир — все предпринятые попытки оказались неполны. Отступая, ледник культурного метода оставлял лакуны, камни и тайники, нагроможденные определения которых до сих пор бросают такую тень, в которой, как верили крестьяне, самозарождаются грибы. Чем сложнее культурный ландшафт, тем больше в нем укромных мест, где вызревает потаенное. Оно присутствует и под иерархией, и под знаком, и будет присутствовать в зачеловеческой будущности. По этой причине потаенное не может быть всерьез революционизировано или, наоборот, изгнано. Оно есть, откуда есть неравномерность культурного опыта, а значит, трещины, пустоты, сукровица и желваки. При этом потаенное не стоит понимать как подлинную, но сокрытую реальность, одухотворяющую пихту и пчелу.

Вера в то, что истоком творчества является некое Великое Скрытое — Бог или нечто бессознательное, — была частью модернистского канона. Вписывая потаенное в тот же ряд, заявляя, что без него невозможно чистое бытие, пришлось бы согласиться с тем, что потаенная проза должна стремиться к тождественности, непременно и точно выражать то, за что поручились Бог и земля. Это бы вступило в противоречие с «неявностью границ», предполагающих взаимопроникновение одного в другое, следовательно, невозможность тождественности. Потаенное является не равенством при всех значениях переменных, а неким переходом границ, у которых пропал часовой. Тождество обозначается тремя черточками, а потаенность — переплетением черт.

Какие тексты можно счесть потаенными?

Вынося за скобки такие основополагающие памятники, как Коран или Упанишады (древнеиндийские трактаты, являются дополнением Вед. — *Ред.*), следует уточнить, что в потаенном нет места кураторству. В него нет порога вхождения, тут никто не подмигивает. Из-за неявности границ потаенное трудно упорядочивать и копить. Тем потаенное отличается от бессознательного, которое попытались присвоить некоторые сюрреалисты. Присвоить право на потаенное — все равно что объявить своими все грибы в лесу.

Тем не менее о потаенных текстах придется говорить на примерах. Иначе можно попасть в ловушку метамодернизма, который на вопрос о «предмете» гордо вытаскивает свой единственный и потому затасканный артефакт — «Бесконечную шутку» Дэвида Уоллеса.

Отечественная филология нарекала потаенными ряд художественных произведений. К ним относятся «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Счастливая Москва» Андрея Платонова, «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, позднее творчество Владимира Тендрякова, тексты самиздата и тамиздата.

Столь разные произведения объединяет то, что они оказались под запретом властей. Некоторые из них остались в истории лишь по этой причине. Лекало Огарева — потаенное есть то, что запрещено Надзором. В качестве обходного маневра потаенной литературой называли текст, которому привито важное внешнее значение — политическое, утопическое, эскапистское. Так произошло с русской религиозной философией, чьи положения воспроизвел ряд знаковых текстов XX века. Но с тем же успехом такую прозу можно назвать благовестной, религиозной, сокровенной, тайной, душевной, сокрытой, сердечной... В данном контексте «потаенный» не несет дополнительной коннотации. Это вновь прилагательное.

Андрей Платонов в рукописях часто использовал слово «затаенный», но у него все-таки своя, не обязанная проза, «грусть роста и надежды на еще несбывшееся будущее». В центре внимания Платонова сокровенные думы сердца, а потаенные сюжеты вроде «Ивана Жюха», где переплелись старообрядцы-бегуны, скопческий скит, тайный царь и Гражданская война, все же редки. При этом Платонов достигает потаенных пластов незаметнее, чем Андрей Белый в искусственном «Серебряном голубе», где речь идет о народной хлыстовской секте. Чудаковатые Тютень и Витютень всегда ближе к потаенному, чем отточенные интеллектуальные построения.

Само по себе говорение о потаенном наименее важно и ненужно, ибо потаенное — не аффект. Ему нет нужды впечатлять. Это не ярмо с игрушками. Куда значимее использование пограничного языка, который сам по себе, исходя из своих скрытых семантических свойств, может выявить таящиеся в вещах значения: *«Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. “Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Воцев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить”»*³.

Платонов показывает, что язык потаенного может быть как искажен, неправилен, так и вполне современен, когда канцелярщина и бюрократизм подвигают «уйти в даль земли». Потаенное не стесняется своего истока, оно может неожиданно намочить. Русский шизофреник-праведник Сергей Шишкин, ведущий апокалиптическую литературную летопись⁴, любит употреблять выражение: «Так лежал». Так — это как? Предельно непонятное и очень ограниченное выражение «так лежал» ничего толком не сообщает, но при этом невероятно точно и как-то само собой представляется в голове. «Так лежать» — это, развалившись на диване и свесив ногу, тихо глядеть в потолок. Как говорится: уже да, но еще нет.

Часто потаенной прозой считается ряд полузабытых текстов мистического свойства, чья малоизвестность нередко принимается за их качественность. К их числу относятся «Лафертовская маковница» (1825) Антония Погорельского, «Пламень» (1913) Пимена Карпова, «Оборотень» (1961) Владимира Померанцева, «Шатуны» (1966) Юрия Мамлеева. Тексты этих авторов объединяет мистический сюжет или хотя бы его интонации. Вполне очевидный кот-генерал

³ Платонов А. Котлован. Текст, материалы творческой истории. — СПб.: Наука, 2000. — С. 23.

⁴ Сергей Шишкин ведет дневниковый блог «Такой день», в странной манере документируя каждый день своей жизни. На основе этой летописи был поставлен театральный спектакль, а также написана книга «Убить Бобрыкина» Александры Николаенко. Несмотря на очевидные параллели и заимствования, по каким-то причинам писательница так ни разу и не упомянула источник своего вдохновения. А зря — вопреки скрытости, потаенное всегда на виду. См.: <https://vk.com/public59204337> (дата обращения: 11.04.2023).

из «Маковницы» сменяется неочевидным, но ясно-зловещим Шатуном. В великом не-романе «Пламень» сектанты взыскуют Солнца Града, а странники встречают «радость земли в потаенном доме». Детектив «Оборотень» начинается с жуткой казни в отдаленной Сохатовке: вора накрепко привязывают к оленю и отпускают животное в лес.

Скрытое, потустороннее, неясное в таких текстах находится в фокусе, его рассматривают, им упиваются. Оно доступно для исследования и подается как неожиданный прыск жизни, вытесняющий человека в другое, скрытое от него пространство. Потаенное понимается как что-то этнографическое, жаждущее описания. Но потаенное не перечисляют. В него падают и оступаются: «А знаете, вот я упал, и такие тут какие-то вещи... корни, кусты...» Потаенное есть только дуновение, неясное указание, тонкий намек, смутная уверенность, что истина где-то рядом. Один из главных вопросов, обращенных к потаенной прозе, это: «Было или не было?» Перечисленные тексты отвечают на него «Было» и показывают, как именно, вводя леденящие душу подробности. Потаенный текст говорит — и было, и не было, особенно — не-не было. Что-то парадоксальное, как у протопопа Аввакума, который предлагал «сечь несекомое»⁵.

На этом перегное произрастает темная литература, тянущаяся от американского писателя Говарда Лавкрафта к стае крысиных хвостов иранского философа Резы Негарестани. Его роман «Циклопедия» вещает с позиции великого скрытого — черноты ближневосточного Сгустка — ведущего бой с силами солнечного капитализма. Нефть выступает в романе как разумная сущность, таящаяся в песчаных недрах. Она демонстрирует разрозненность истинно тайного — многими глотками, многими телами, оккультно, научно, эпистолярно и неантропологически. Нефть — первородный кукловод мира сего, сросшийся с современной цивилизацией. Поэтому «очевидно, что Буш и бен Ладен — петрополитические марионетки, дергающиеся в такт хтоническим шевелениям Сгустка». Литературная важность Негарестани — в крошке стилей, регистров и голосов, в откровении, что поры могут быть ртом, тогда как сам замысел наследует фантастическому роману «Фантомы» Дина Кунца. Это литература формы, надругательства над конвенциональными высказываниями, расковывание логики и сбор нечеловеческих повествований. Всякое разложение пугает — как непредвиденно может сгнить тело, целостность, нарратив! Это литература удивления, поражающаяся тому, какие неожиданные свойства можно извлечь из переплетений нефти и тишины, грибка и млекопитающего, спермы и минерала.

Рассматривая пищеварительную прозу Томаса Лиготти, закрученность «Спирали» Дзюндзи Ито, подробные исчисления Юджина Такера и посторонние феноменологии Дилана Тригга, можно задуматься, нечеловечна ли потаенная проза? Напротив, человечна, слишком человечна! В ней нет ничего удивительного.

Страх потаенного — не страх иного. Это ужас обыденного, которое не было прежде замечено. Это камень, у которого есть спина. Или походка самоубийцы, который должен нести мысль о смерти осторожно, как кувшин⁶. Тогда как передовая литература перформативна, маргинальна, раздроблена, заточена на болезненность и инаковость. Ее героя не поколеблет ни одно событие, он уже

⁵ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. // Русская историческая библиотека. — Т. 39, кн. 1, вып. 1. — Л., 1927. — С. 625. Разумеется, данный текст не призывает ни к трифеизму, ни к тому, что протопоп Аввакум разделял его положения. Это лишь размышления о методе потаенного.

⁶ Розенштрам А. Зелик. — М.: Август, 2002. — С. 11.

изменен, конечная станция только слизь. Поэтому читать такое неинтересно, как неинтересно ехать куда-то в стоящем поезде. Оттого современные тексты так быстро забываются и так вечны сказки и мифы. Самое приятное, что может быть замечено по поводу потаенного метода: «В этом нет ничего нового».

В «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина лисицы ходят среди людей. Для того чтобы узнать о них, достаточно получить письмо: «Мне передавали со слов цзинаньского Хуай Лижэня, что господин Лю Лянцай — потомок лисицы...» Рассказы Ляо Чжая отличает потаенный язык, не дающийся даже самому блистательному переводу. При этом произведения Пу Сунлина были доступны как образованным китайским интеллектуалам, силящимся различить их бесконечные отсылки, так и простонародью, которое захватывали простые сюжеты. Потаенное не элитарно, а повсеместно. В «Убике» Филипа Дика оно прячется в хранилищах посмертного существования. В «Отце-лесе» Анатолия Кима служит переходом между действительным и отвлеченным, реалистическим и мифическим. Из назидательных рассказов позднего Тендрякова понятно не только то, что хлеб можно убить как животное. В них потаенное уходит при малейшем идеологическом нажиме — мессианском, гуманистическом, обличительном. При этом уже не имеет значения, что прежде ты понял все: «Я всего-навсего прохожий, который переходит улицу в положенном месте. Но когда нет рядом милиционера... хочется перебежать»⁷.

Отдельно нужно размежевать потаенную прозу с эзотерикой любого рода. Примечателен текст Романа Михайлова «Улица космонавтов», где один из героев спрашивает у товарища: «Если бы у тебя была большая белая простыня, что бы ты с ней сделал?» Тот напряженно думает, а потом с облегчением выдает: «Я бы ее распростал». Очень потаенный вопрос и не менее великий ответ. Сразу следует спросить еще кое-что важное: покупают ли арбуз одинокие люди? Но в остальном повесть лишь мучительно-избыточное перечисление юродивых, перебор которых подобен перебору четок. Потаенной прозе всегда грозит перетяжеление, ее лучше недописать, чем переписать. «Открыл глаза, увидел стену дыма в солнце и небо мартовское и к стене повернулся. Богач», — удовольствовался малым сказочник Борис Шергин. А воющий как волк цыган, подвалы с карликами, провидцы-децэпэшники, вочеловечившаяся собака... — это все точки. Если точек много, они становятся узором, а узор можно прочесть, увидеть, откуда он начинается и куда ведет. Значит, за ним можно следовать, его можно ткать и владеть, владеть, владеть...

Отсюда географичность любой эзотерики. Это мистическая наука о пересечении океана эфира, дотошное картоведение как собственного тела, так и других тел. Как внутреннего мира, так и внешней Вселенной. Это прояснение и детализирование, пусть даже приводящее к полному растворению, к истинности простого листа. А значит, понимание мира как кода, места непротиворечивого взаимодействия всех частиц, отчего возможна надоевшая случка с постструктурализмом, попытка описания космоса. Далее либо неудача, либо катарсис: «Ницше остался там, сидеть и тупить на свои слюни, а ты завладел пароходами и надел белые штаны». Не удовлетворяет именно заявка на описательность, на полное развертывание мира. Это операционистский взгляд, инженерия, когда: «Бытие

⁷ Тендряков В. Неизданное. Проза, публицистика, драматургия. — М.: Художественная литература, 1995. — С. 115.

меняется не грубой силой, не огромным покрывалом, оно меняется символами... <...> Вопрос только в верных точках, в верных взглядах»⁸. Мир как большая клавиатура, по которой можно выстучать индуистское IDDDQD.

Если представить картографию мха, грибов, ряски, нетовцев и бегунов, скольжение духовного Антихриста, линию бороды Аввакума, излом паучьих ножек, бег ирландского кружева, циркуляцию радения, то есть всего того, что можно отнести к потаенной тематике и в то же время вынести куда-то вовне, — какая получится графика, какая карта? Картография — один из ключевых моментов ризоматичности. Карта измеряет пространство для того, чтобы его можно было удержать глазом или рукой — куда идти, где находишься, горы впереди или лес. Но кто ходит с картой по грибы? Такой карты нет и никогда не будет. А если будет, значит, ничего уже нет.

Потаенное близко, а значит, достижимо. В этом достижении оно становится неявным, неотличимым от простых вещей. Потаенное суть погашенное желание, удовольствие, которого больше нет. Но оно точно не карта и не отмеченное на ней сокровище.

Суть потаенного точно уловил Михаил Елизаров в романе «Земля». Протяжный долгий текст приводит героев в павильон для братвы «Ивушка», где под бесконечный «Учкудук» посетителям в уши свистит некий Леша Крикун. Потаенность не в том, как юродствует уголовник, не в скрытом нахождении «Ивушки», даже не в ремесле скобаря-крикуна, а в круговерти «Учкудука», идеально подобранной песне, на повторе закольцовывающей что-то очень важное: «Учкуду-у-ук!.. Три-и колодца-а!.. Защи́ти!.. Защи́ти!.. Нас от со-о-онца-а!..»⁹ Таким образом, потаенное — предельно обыденная вещь, показанная даже не с неожиданной стороны, а просто показанная.

Мастера художественного слова могут поставить вопрос о потаенном настолько прямо, что его очевидность сбивает с толку. Таков «Потец» Александра Введенского, где сыновья допытываются у умирающего отца о том, что такое есть Потец. За неологизмом скрывается нечто большее, нежели «холодный пот, выступающий на лбу умершего», а именно возможность установить смысл вообще. Сыновья, камлающие у отеческого одра, будто нарочно не замечают, что смысл слова «потец» ясен из его вопрошания — это алхимическое соединение «пота» и «отца». Раз отец умирает, то потец — это пот покойника. Суть потаенного всегда рядом, она заключается в самих словах. В этом его коренное отличие от абсурда или бессмыслицы — потаенному не нужно сгущать, выдумывать и переставлять, его достаточно найти и нащупать. Потаенное обыденно и очевидно. Потому заметить его столь сложно.

Ряд литературных теорий XX века стремились представить мир иначе, чтобы в нем по-иному представлялись вещи. Но если формализм использовал метод отстранения, потаенная проза использует метод прислонения. Отдаление и переименование уступают место приближению и прикосновению. «Так умирал Ерусалим / И камни делались камнями»¹⁰, — уход мистического можно передать одним и тем же повторенным предметом. Смысл прислонения в сокращении расстояний, когда объект остается практически неизменным, но из-за приближения расширяется до размеров вселенной. Понять метод можно на примере текстов воспоминаний о блокадном Ленинграде, в частности дневника блокадницы

⁸ Михайлов Р. Ягоды. Сборник сказок. — Individuum, 2019. — С. 312.

⁹ Елизаров М. Ю. Земля. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. — С. 781.

¹⁰ Строка из стихотворения Сергея Калугина «От Бога до Земли».

М. В. Машковой: «Вначале очень остро воспринималось: зашатается, упадет человек на улице, пройти равнодушно не можешь, стараешься поднять, поддержать. Позднее поняла, что самое большое — можешь прислонить к стене дома, где он неизбежно умрет, ведь “скорая помощь” умирающих не берет. Таких падающих с каждым днем становилось больше и больше, падали на мостовой, на панели, в булочных, магазинах, учреждениях. Уже не было сил поднять и прислонить к стене, и я стала проходить равнодушно»¹¹.

Прислонение — это когда обыденное становится невозможным. Разрастание повседневности до предельных значений. «И я стала проходить». Потаенное лишь прислонение к бытию, упор плечом. Нащупывание чего-то близкого, живущего рядом. Как в случайном отрывке из Михаила Кузмина: «Веник и мочала. Вещи простые, даже неказистые. И сколько счастья под ними скрывается, да что веник, что мочала! Только при входе в предбанник люди, которым доступно истинное понимание, охвачены бывают предчувствием... предчувствием...»¹². Предчувствием, говорит Кузмин! Предчувствием...

Самое большое, что можно сделать в потаенном тексте, — это что-нибудь прислонить. Соотнести простые, невыдуманые значения, увидеть тот тайный брак, в котором состоят вроде бы безродные вещи. В сборнике Александра Олесюка «Камыши» бездомным в костюмах конфет снятся «кусты сирени и вечный май», а на ветхом, скрипучем Volkswagen из российской провинции могут ездить «бойцы RAF Ульрики Майнхоф, агенты Штази, сектанты-молокане из Орегона или семья Лехи-кровельщика»¹³. В повести «Зелик» Александра Розенштрама о трагедиях за чашкой чая сказано, что всю жизнь можно жить в ожидании веника. То, что разных писателей волнуют разные веники, отнюдь неспроста.

О потаенном можно говорить апофатически (отрицая все определения. — Ред.), долго отшелушивая истину. Но было бы новое утомительное вытаптывание позиции, откуда вновь что-нибудь бы сказали. Какая может быть позиция, кроме желания залезть в коробочку и притихнуть? Какая может быть оптика, если у потаенного есть зрачок, в зрачке — колбочка, в колбочке — туман, а в тумане — вопрос «Что надо?».

К текстам о потаенном лучше относиться как к определению сторон света по мху. Вопреки представлениям, это занятие с весьма неожиданным результатом. Может — север, может — юг, а может — и не мох.

Насколько слово «потаенный» могущественно, настолько и не востребовано. Его подробный разбор стал бы авторитетным упоминанием каноничных имен от Ключева до Дионисия Ареопагита. Но потаенное может жить без них, как те общие вещи, которые существуют без объяснения взрослых. Мы все всегда знали о потаенном. Просто не замечали его.

Так что же такое потаенная проза? Это проза неявленных границ, а значит, цветов, микологии, вершков-корешков, проза быта, наитий и того поверхностного натяжения, благородя которому водомерка скользит по воде.

¹¹ Машкова М. В. Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки, 1941—1945 / сост. Ц. И. Грин, Г. В. Михеева, Л. А. Шилов. — СПб., 1995. — С. 39.

¹² Кузмин М. Печка в бане // Аполлон-77. — Париж, 1977. — С. 193.

¹³ Олесюк А. Дом со львом // Урал. — 2021. — № 7. — С. 115—129.